

УДК 316.4

Ю.Ю. Комлев

ТЕОРИЯ СТИГМАТИЗАЦИИ: ГЕНЕЗИС, ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, ЗНАЧЕНИЕ

В статье на основе ретроспективного анализа показана история создания и развития теории стигматизации в работах зарубежных социологов и криминологов. Раскрыты объяснительный потенциал теории стигмы, возможности ее применения в российских условиях с целью профилактики подростково-молодежной девиантности, а также значение в девиантологическом дискурсе.

Ключевые слова: символический интеракционизм, стигма, стигматизация, девиантность, девиантная идентичность, девиантная карьера, «драматизация зла», первичное и вторичное отклонение, селективное правоприменение, реинтегративный стыд, восстановительное правосудие.

Интеракционистская перспектива анализа девиантности и преступности сформировалась благодаря идеям выдающихся американских социологов XX века Джорджа Мида, Герберта Блумера, Чарльза Кули. Суть символического интеракционизма, как известно, состоит в том, что взаимодействия между людьми складываются на основе интерпретации намерений и действий окружающих, символического определения ситуаций и «вещей».

В трудах Фрэнка Танненбаума, Эдвина Лемерта, Говарда Беккера, Эдвина Шура, Фрица Зака, Джона Брэйтуэйта, исходя из положений символического интеракционизма, были сформулированы и развиты основные положения теории стигматизации, иначе говоря – «лейблов», «наклеивания ярлыков» или «клеимения». Ретроспективный анализ этих работ позволяет проследить траекторию девиантологической мысли, раскрыть объяснительный потенциал, генезис и значение теории стигмы.

Девиантность рассматривается социологами-интеракционистами как результат процесса социальной реакции на идентификацию личности. Они обратили внимание исследователей и практиков не на причины, а на значения отклонений. Как известно, в рамках социоструктурного подхода и функционализма принято считать, что вмешательство закона, правоохранительных органов, всей системы формального социального контроля подавляет преступность, наркотизм, алкоголизм и иные формы социально опасной девиантности. С одной стороны, это, безусловно,

так, но с другой, – при определенных условиях чрезмерный социальный контроль посредством стигматизации, если не прямо, то косвенно, становится фактором развития девиантной идентичности и карьеры.

Стигма, или клеймо – это характеристика индивида или группы, которая считается большинством людей пороком. Современное общество, особенно, в странах на постсоветском пространстве, отличается ригоризмом. Американцы или жители «туманного Альбиона» отрицательно, но вполне терпимо отнесутся к подвыпившему соседскому парню и скажут между собой: «У Джони проблемы с алкоголем». Россияне же в подобной ситуации выскажутся как «отрежут бритвой» – без церемоний, несмотря на массовый характер проявлений пьянства: «Иван – алкаш». Наклеивание позорящих ярлыков может играть в российском социокультурном контексте весьма пагубную роль при принятии девиантной идентичности и ее ролевом закреплении, особенно подростками и молодыми людьми.

Основу теории стигмы составляют два принципиально важных положения:

Во-первых, *отклоняющееся поведение* следует интерпретировать не как нарушение социальной нормы, признак предрасположенности индивида или качество социального действия, а как *результат его символического определения, наклеивания девиантного ярлыка в ходе социальной реакции*. Отсюда в теории стигматизации особое значение

Комлев Юрий Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

e-mail: levkom@list.ru

© Комлев Ю.Ю., 2016

Статья получена: 22.03.2016

придается коммуникации, силе слова и реакции общества на поведение «оступившихся» людей.

Во-вторых, «клеймение» порождает и усиливает девиантность. В этом смысле отклоняющееся поведение – это ответ индивида на стигматизацию, что ведет ко вторичному отклонению, в ходе чего формируются девиантная идентичность и карьера.

Как видим, теория лейблов концентрируется на объяснении вторичной девиантности или рецидивизма, на формировании девиантной карьеры под воздействием социального контроля и не затрагивает этиологию первичного отклонения. Она придает значение процессу наложения на индивида позорящих ярлыков с такими определениями, как «преступник», «наркоман», «алкоголик», «проститутка», «сумасшедший», в результате формальных и/или неформальных санкций. Теория стигмы относится к процессуальным теориям девиантности.

Интеракционистский подход, начиная с 50–60-х годов XX столетия, широко применяется криминологами в США, Канаде, Западной Европе, Австралии. В отечественных исследованиях, выполненных в рамках криминологии и науки уголовного права, объяснительные возможности теории стигматизации используются крайне редко. Значительно чаще этим теоретическим опытом пользуются социологи.

С определенной условностью можно выделить следующие основные исторические этапы и концептуальные новеллы в развитии теории стигматизации: модель «драматизации зла» Ф. Танненбаума (1938), социально-психологическая модель Э. Лемерта (1951); нормативная модель Г. Беккера (1963); социоструктурная модель Ф. Зака (1969), теория «реинтегративного стыда» Дж. Брейтуэйта (1989), а также современные, созданные на рубеже XXI века, подходы к описанию эффектов и последствий клеймения. Рассмотрим эти теоретические конструкции более подробно.

Теория «драматизации зла» Ф. Танненбаума. Фрэнк Танненбаум (1893–1969) был одним из первых, кто попытался применить идеи символического интеракционизма к объяснению девиантности и преступности в работе «Преступление и сообщество» (1938).

Ф. Танненбаум родился в Австрии в 1893. В 1905 году семья иммигрировала в Соединенные Штаты. Во время экономического кризиса 1913–1915 годов молодой Танненбаум был активен в рабочем движении и имел проблемы с полицией. Провел год в заключении на острове Блэзуэлл. С годами он преодолел юношеский радикализм и с помощью благотворителей поступил в Колумбийский университет, где получил степень Ph.D., затем служил в армии. Проводил исследования в Мексике. С 1931 года изучал проблемы пенитенциарных учреждений, probation и условно-досрочного

освобождения. В 1932 году вернулся в Соединенные Штаты и преподавал криминалистику в Корнельском, затем в Колумбийском университете до 1965 года. Ф. Танненбаум заложил основы теории стигматизации.

Танненбаум считал, что преступление является, по существу, результатом столкновения двух противоположных определений ситуации со стороны правонарушителя и общества в целом. Такой конфликт определений, по мысли исследователя, возникает из-за расхождения в ценностях. За ним следует постепенный переход от определения конкретных действий как зла к определению человека как источника зла [1, р. 322]. Отрицательный лейбл как результат «драматизации зла» часто способствует дальнейшему участию молодого человека в порочной деятельности. К этому выводу Танненбаум пришел, по всей видимости, под впечатлением опыта своей делинквентной юности и конфликтов с законом.

Отрицательные оценки со стороны значимых «других» (родителей, товарищей, учителей, сотрудников правоохранительных органов) обычно являются сдерживающим фактором для подростка, совершившего отклоняющийся поступок. Однако Танненбаум, изучая вовлечение несовершеннолетних в преступные группы, проницательно заметил, что *чрезмерное определение окружающими ситуации проступка, совершенного подростком, как злостного нарушения может инициировать его девиантную социализацию, идентичность и карьеру.* При этом сами подростки, совершая те или иные деликты, придают им совершенно иное значение. Так, например, если подросток дерзко срывает цветы в палисаднике у соседки и дарит их симпатичной девчонке, то это событие может рассматриваться молодыми людьми как весьма романтический поступок. Для потерпевшей же этот акт является злонамеренной кражей.

Окружающие (потерпевшая, полицейский, соседское сообщество), осуществляя «драматизацию зла», могут с высокой степенью вероятности стигматизировать подростка и подтолкнуть его к девиантному самоопределению. «Определение действий как «зла», – считал Танненбаум – постепенно переходит в определение индивида, совершающего подобные действия... С точки зрения общества, человек, который привык делать плохо, ... определяется обществом как «плохой» и сам не верит, что он может быть хорошим... Процесс создания преступника, следовательно, это процесс клеймения, определения, сегрегации, описания, усиления, осознания и самосознания...» [2, р. 17–19]. Следовательно, молодой человек становится таким, каким его определяют значимые окружающие. При этом в формировании его делинквент-

ной идентичности особую роль играет *первичная «драматизация зла»*.

Таким образом, по мнению Таннебаума, «многие общественно опасные деяния совершаются подростками как шалость, а воспринимаются окружающими как проявление злой воли и оцениваются как преступления» [3, р. 351]. Для того, чтобы разорвать порочный круг стигматизации, следует не допустить излишнюю «драматизацию зла». Словом, чем меньше будет сказано о событии как преступлении, тем лучше.

Стигматизация по Э. Лемерту: первичное и вторичное отклонение. Эдвин М. Лемерт (1912–1996) в работе «Социальная патология», вышедшей в 1951 году, развивая идеи Таннебаума, создает социально-психологическую модель стигматизации, вводя понятия «первичного» и «вторичного отклонения».

Эдвин М. Лемерт родился в 1912 году в Цинциннати, штат Огайо. Степень бакалавра в области социологии получил в университете Майами (1934), Ph.D. – в университете Огайо (1939). Преподавал в университетах Кента и Западного Мичигана. В 1943 году перешел в Калифорнийский университет. Лемерт, как типичный представитель академической среды, получил широкое признание за свои новаторские работы по теории стигмы и социопатического поведения. Он по праву считается основателем labelling theory, или «теории социетальной реакции». С 1972 года Лемерт – президент Общества исследования социальных проблем, а затем и Тихоокеанского социологического общества.

Э. Лемерт полагает, что наклеивание ярлыков не только порождает, но и усиливает отклоняющееся поведение. При этом само девиантное поведение рассматривается как социопатическое, «знак» которого зависит от той оценки, которая присуща социальной реакции. Перспектива навешивания *социопатического ярлыка* возможна не только относительно противоправного поведения, но и относительно умственных заболеваний, проституции, гомосексуализма и даже заикания.

Если индивид впервые нарушает социальную норму случайно или по каким-то иным причинам, то его проступок имеет значение *первичного отклонения*. «Когда индивид, – утверждает Лемерт, – начинает использовать свое девиантное поведение или свою роль, основанную на девиантном поведении, в качестве средства защиты, наступления или приспособления к своим явным и скрытым проблемам, порожденным последовавшей социальной реакцией, его отклонение является *вторичным*» [4, с. 157–159]. Таким образом, вторичные отклонения – результат того, что индивид однажды уже был помечен ярлыком девианта, и являются его реакцией на первичное клеймение.

Первичные отклонения, как указывал Лемерт,

могут быть сделаны для разрешения ряда неотложных проблем (нехватки денег, изменения положения, неразделенности чувства) или для удовлетворения ожиданий своих субкультурных групп. Так, участие студента в краже сотового телефона может быть вызвано нуждой, необходимостью заплатить за обучение. Оно может стать первым и последним его преступлением. Однако если студента уличат в краже и за этим последуют арест, судебное разбирательство, а затем решение с соответствующим определением, то он будет «помечен» *ярлыком судимости*, и вторичное отклонение может произойти уже как реакция на клеймение (девиантная самооценка) с целью адаптации к девиантному статусу. Разумеется, процесс стигматизации в ходе социальной реакции, а именно: порождение и усиление девиантности – предполагает более сложную и длительную интерактивную процедуру. Она в основных чертах представлена на рис. 1.

Таким образом, навешивание ярлыка при определенных обстоятельствах и для определенных людей может усилить вероятность вторичной девиантности и привести к окончательному приятию девиантного статуса. В этом процессе индивид подвергается со стороны социальной реакции (пункты 5 и 6) оскорблениям, осмеянию, унижению, привлечению к ответственности. Такой человек приобретает в итоге морально низкий статус, определенные познания и навыки, соответствующее мировоззрение, а также самосознание девианта. Внешние свидетельства этих изменений можно найти в символической принадлежности к новой роли: в одежде, речи, осанке, манерах.

Э. Лемерт и многие его сторонники считали, что правонарушители оцениваются судами более резко, если они удовлетворяют стереотипному образу представителя низшего класса, predisposed к нарушению закона. Скорее всего и в российской ситуации у тех, кто занимает более низкие социально статусные позиции, риск быть стигматизированным значительно выше, чем у молодежи из материально благополучной среды.

Стигматизация по нормативной модели Г. Беккера и девиантные карьеры. Американский социолог и криминолог чикагской школы Говард Сол Беккер (1928), тщательно изучая проблему девиаций в контексте социальной интеракции, концентрирует внимание, прежде всего, на процессах создания социальных норм и их практической реализации, обуславливающих клеймение и моральное осуждение.

Говард Сол Беккер родился в 1928 году в Чикаго, штат Иллинойс. Беккер начал играть на фортепьяно в раннем возрасте и уже к 15 годам работал пианистом в барах, где и получил опыт употребления наркотиков.

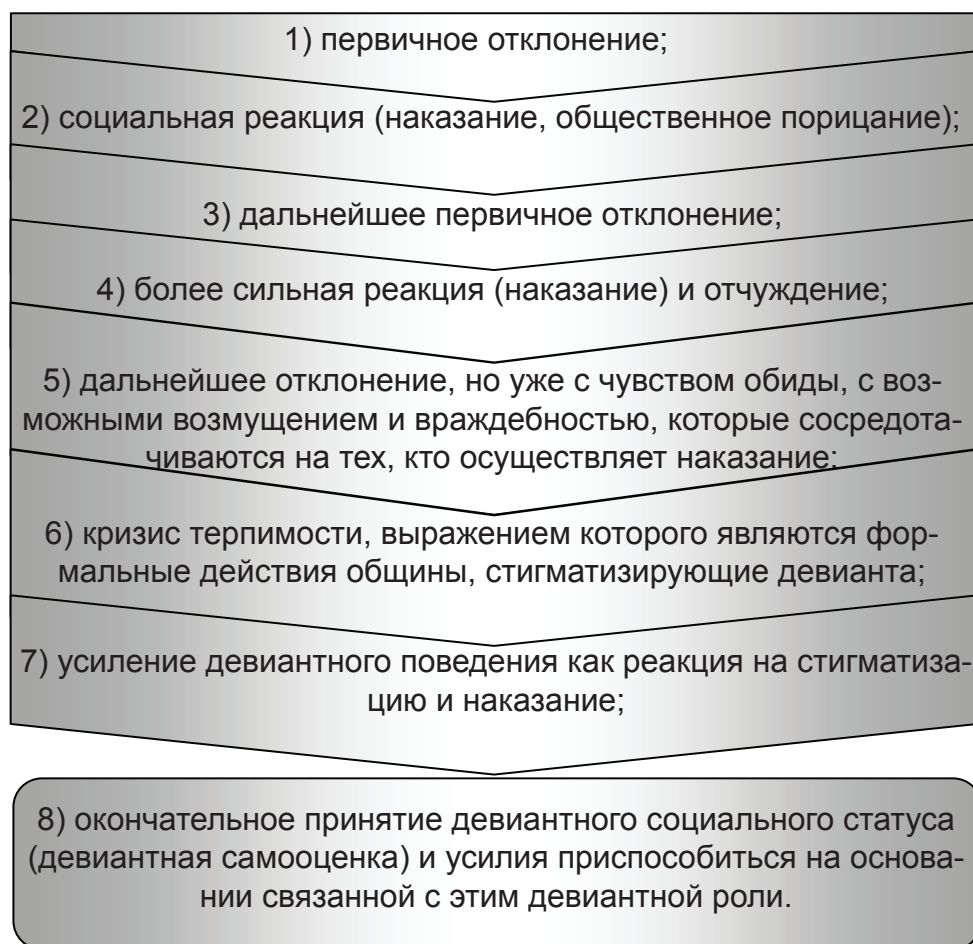

Рисунок 1. Процесс стигматизации девианта

Степень бакалавра в области социологии получил в Чикагском университете в 1946. Музыку рассматривал как свою карьеру, а социологию как хобби. Несмотря на это, получил степень доктора философии в возрасте 23 лет. В Чикагском университете Беккер слушал лекции социологов второй Чикагской школы, включая Э. Гоффмана, А. Штрауса, Э. Хьюза и др. Беккер широко известен работами по изучению потребителей марихуаны, а также процесса их стигматизации в качестве наркоманов и инакомыслящих. Беккер после работы в университете Чикаго и Стенфордском университете с 1965 по 1991 годы преподавал социологию в Северо-Западном университете. С 1996 года по 1999 годы был адъюнкт-профессором музыки в университете Вашингтона. Беккер – обладатель многочисленных премий и почестей в области социологии.

Г. Беккер исходит из того, что современную социальную реальность характеризует плюрализм, одна из особенностей которого состоит в том, что все социальные группы устанавливают нормы и правила, полностью реализуемые лишь при определенных обстоятельствах.

В своей самой известной книге «Аутсайдеры...», вышедшей в 1963 году, он утверждает, что «социальные группы создают отклонения, определяя правила поведения» [5]. Группы применяют эти правила к отдельным индивидам и за их нарушение «наклеивают» на них ярлыки аутсай-

деров. Очевидно, что с этой точки зрения отклонение – это не свойство акта индивида, а скорее следствие применения другими индивидами или группами, имеющими больший доступ к власти, правил и санкций к нарушителю. Девиант – это тот, кого стигматизировали таким образом, а отклоняющееся поведение – это поведение, которое влиятельные люди определили как девиантное.

Следовательно, по Беккеру, отклоняющееся поведение обусловлено способностью влиятельных групп общества (среди них: политики, законодатели, полицейские, судьи, врачи и др.) создавать нормы и навязывать другим определенные оценки поведения.

Кроме того, весьма ценным следует признать вывод Беккера о том, что состав девиантов неоднороден. Категория лиц с ярлыком девианта не включает в себя всех, кто действительно нарушил законы. Степень вариативности реакции людей на акт девиации весьма существенна. Она зависит от ситуации, времени, социального состава девиантов и тех, кому они нанесли вред. В частности, Беккер утверждает, что подростки из среднего класса, задержанные за правонарушение, имеют меньшую вероятность быть доставленными в полицию. Важно отметить, что Беккер разработал процессную модель девиантной карьеры на при-

мере потребителей наркотиков, в которой главная роль принадлежит социальной интеракции [4, с. 159–161]. Основные этапы карьеры девианта представлены на рис.2.

На процессный характер девиантной карьеры с позиций теории стигматизации указывает и социолог Эдвин Шур. По его мнению, девиацию следует рассматривать не статично, а как «постоянно меняющийся результат динамических процессов социальной интеракции» [6, с. 337]. Ответ «нарушителя» на социальную реакцию ведет ко вторичному отклонению, с помощью которого, в конце концов, он приходит к принятию «само-имиджа» человека, постоянно запертого в этой роли. Э. Шур назвал этот интерактивный процесс «ролевым поглощением». В итоге люди, поведение которых осуждается обществом и на которых «навешивается ярлык», – это личности без ценностных ориентаций, поскольку статус правонарушителя иногда становится для них главным.

Процесс навешивания ярлыка, считают Г. Беккер и Э. Шур, заставляет акцентировать внимание не на причинах совершения первичного отклонения или нарушения правил, а на группах и институтах, которые имеют такое влияние, что позволяют стигматизировать поведение индивидов. Деятельность подобных социальных групп и институтов формального социального контроля (политики, законодатели, суды, тюрьмы, изоляторы и спецбольницы для душевнобольных) состоит в том, что они изолируют девиантов от остальных членов общества.

Таким образом, акты преступного поведения, их «природа, распределение, социальное значение, импликации и разветвления, – по утверждению Э. Шура, – в значительной степени зависят от структуры социальной реакции» [7, р. 115]. Между тем последствия навешивания ярлыка, как показали итоги более поздних исследований, зависят не только от ряда нормативных, культурных факторов, но и особенностей социальной структуры капиталистического общества.

Социоструктурная модель стигматизации Ф. Зака. Идеи американских социологов, особенно Чикагской школы, заложивших основы интеракционистского подхода в девиантологии и теории стигматизации, получили широкое распространение в Западной Европе последней четверти XX века. Так, ряд немецких криминологов в 70-е годы (Ф. Зак, Ш. Квенцель, Д. Петерс, Ф. Штальберг) активно разрабатывали и пропагандировали теорию лейблов, рекомендовали к применению ее на практике.

Наибольшая заслуга в том, что проблемы стигматизации стали предметом обсуждения в среде европейской криминологической общественно-

сти, принадлежит Фрицу Заку (р. 1931).

Немецкий социолог и криминолог Фриц Зак родился в 1931 году в Ноймарке, Померания. Изучал социологию и экономику в университете Киля и Кельнском университете, в университетах штата Огайо и Калифорнийском в Беркли. В 1970–1974 годы был профессором социологии в университете Регенсбурга. С 1974 по 1984 год – профессор на юридическом факультете университета Ганновера. С 1984 году работал на кафедре криминологии юридического факультета Гамбургского университета. В течение многих лет руководил Гамбургским институтом криминологических социальных исследований. Ф. Зак первым перевел теорию стигмы на немецкий язык и развил криминологическую дискуссию в Европе о роли социальной реакции в процессах клеймения. Он удачно модифицировал теорию стигмы в политически заостренной форме, обратив внимание на участие институтов формального социального контроля в «процессе предписания» девиантности. Его критические работы в течение ряда десятилетий оказывают значительное влияние на немецкую и европейскую девиантологию.

Криминологу Фрицу Заку, в отличие от социологов Лемерта, Беккера и Шура, характерен более радикальный подход к пониманию роли формальных социальных институтов в процессах клеймения [4, с. 161–162]. Зак, создавая социоструктурную модель стигматизации, испытал на себе определенное влияние идей теоретиков радикальной криминологии. Он опирался не только на разработки американских исследователей, но и на методологию европейских школ, в частности, марксистскую концепцию «классовой юстиции», в рамках которой процессы восприятия действий и принятия решений полицейскими, судьями и чиновниками «программируются селективно». По Заку, социальные институты лишь стимулируют и укрепляют девиантность: полиция специально выискивает представителей низших слоев, чтобы в «интересах правящего меньшинства» предписывать им роли преступных элементов.

Следовательно, Зак исходит из того, что преступное поведение и иные девиации возникают в результате «процесса предписания», осуществляемого институтами формального социального контроля в классовых социальных системах. Криминолог подчеркивает, что, благодаря селективности правоприменения, стигматизации подвергаются, прежде всего, низшие слои капиталистического общества. Это приводит к появлению устойчивой корреляционной связи между принадлежностью к той или иной социальной страте и регистрируемой преступностью.

Проблема селективного применения уголовно-правовых санкций, поставленная Ф. Заком, несомненно, актуальна для транзитивного российского общества. Имеется в виду уголовно-пра-

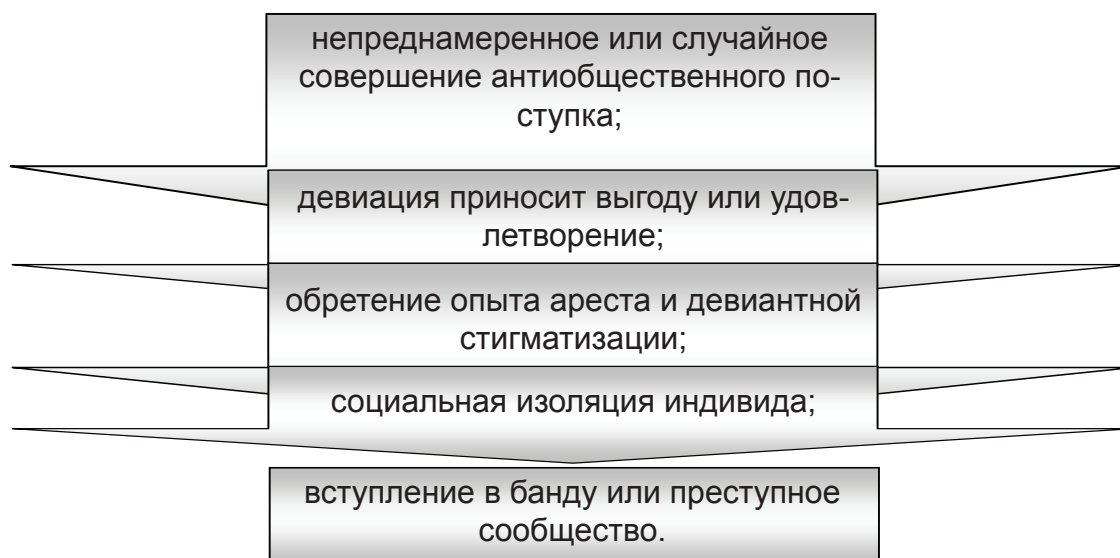

Рисунок 2. Этапы девиантной карьеры

новая реальность, скрывающаяся за метафорой «басманное правосудие», что остается предметом социологических и криминологических исследований. Селективность правоприменительной практики и правосудия рассматривается зарубежными девиантологами в тесной связи с идеями радикальной криминологии и аболиционизма.

Теория реинтегративного стыда Дж. Брейтуэйта. Самые заметные усилия в попытках пересмотреть и развить теорию стигматизации в интегративной перспективе и более широком социоструктурном контексте принадлежат современному австралийскому криминологу Джону Брейтуэйту (р. 1951) в работе «Преступление, стыд и воссоединение» (1989). В ней он убедительно показал, что существующая практика уголовного правосудия формирует тенденцию клеймения и усиливает преступность. Уже в 1991 году эта книга получила мировое признание как внесшая наибольший вклад в развитие криминологии последних лет.

Джон Брейтуэйт родился в 1951 году в Инсвиче. Брейтуэйт – современный австралийский социолог и криминолог, профессор исследовательской школы социологии Австралийского национального университета. Как криминолог он знаменит работами по теории реинтегративного стыда, восстановительного правосудия, предупреждения преступности и девиантности. Брейтуэйт является обладателем целого ряда международных наград и премий.

Согласно теории Джона Брейтуэйта, в основе социальной регуляции преступности против личности или собственности лежит чувство стыда. Стыд определен Брайтуайтом как социальное осуждение, которое имеет «цель вызывать угрызения совести в человеке, которого пристыдили или осудили» [8, р. 108]. Брейтуэйт концептуализирует стыд в двух формах: «стигматизированный» и «реинтегративный», при этом он неустанно

повторяет, что его теория касается, прежде всего, «стыда реинтегративного» [9]. Действительно, если сторонники классического подхода в теории стигматизации анализируют, прежде всего, криминогенные последствия клеймения, которые распространяются на стигматизированного индивида, то Брейтуэйт больше рассматривает влияние «реинтегративного стыда» на снижение девиантности и преступности. В целом же модель Брейтуэйта, выстроенная вокруг клеймения в форме «стигматизированного» стыда и возвращения в общество путем «реинтегративного» стыда, учитывает их связи друг с другом. Ценно, что для этой теории характерно современное интегративное видение проблемы преступности и девиантности, поскольку Брейтуэйт ищет точки сопряжения в работах своих предшественников, развивавших основные теоретические традиции социологической криминологии. Его синтез построен с привлечением концептов из теорий стигмы, контроля, субкультур, дифференциальной ассоциации и напряжения на основе такого объединяющего понятия, как «реинтегративный стыд».

В исследовании Брейтуэйта утверждается, что клеймение – это форма внушения чувства «стигматизирующего стыда», которая усугубляет проблему преступности. Термин «стигматизация» он использует для описания дезинтегративной роли «стигматизированного стыда», который разрушает моральную связь между «пристыженным девиантом» и сообществом. Примером «стигматизированного стыда» является решение судьи об установке специального стикера на недвижимость девианта с кричащей надписью «здесь живет преступник». Согласно этому типу стыда от стигматизированного индивида ожидаются лишь новые преступления.

Внушение чувства «реинтегративного стыда» может, наоборот, стать силой, формирующей об-

щество. Это ключевое положение в теории Брейтуэйта. Трактовка понятия «реинтегративный стыд» исходит из посыла о том, что следует «осудить преступление, а не преступника» и предполагает процедуру или церемонию прощения, с помощью которой девиант воссоединяется с обществом законопослушных граждан. Особенно важно, если реинтегративный или воссоединяющий жест прощения исходит от близких девианта – людей, которых он любит, ценит, уважает, которые решительно не одобряют совершенное им преступление.

Наиболее сильное проявление реинтегративного стыда – это осуждение преступления самим преступником с принесением жертве соответствующих извинений. Право начать «жизнь с нуля», порвав с прошлым, получает лишь тот преступник, который выразил искреннее раскаяние в своем преступлении, принес извинения жертве и восстановил нанесенный им ущерб.

Следовательно, процедура «реинтегративного стыда» ориентирует на низкий уровень, в то время как «стигматизированный стыд» – на высокий уровень преступности, хотя и косвенным путем.

В своей теории Брейтуэйт выделяет и подчеркивает криминальные особенности и социально-бытовые условия, которые поощряют или препятствуют реализации «реинтегративного стыда». Он также рассматривает тот факт, что люди в разной мере связаны с обществом и, соответственно, по-разному реагируют на процедуру «реинтегративного стыда». В последующем Брейтуэйт с коллегами из Австралийского национального университета провел дополнительные исследования по проблематике стигматизации и роли реинтегративного стыда на снижение делинквентности несовершеннолетних (1997).

В работах «Преступление, стыд и воссоединение» (1989), «Восстановительное правосудие и отзывчивое управление» (2002), а также последующих трудах Брейтуэйт обосновывает и развивает идею восстановительного правосудия как альтернативы современному уголовному правоприменению. Меры социального контроля должны оцениваться, с его точки зрения, в зависимости от того, дают ли они преступникам какие-либо шансы изменить делинквентную карьеру и поддержать их соответствие законопослушанию или нет. В рассуждениях Брейтуэйта красной нитью проходит мысль о том, что не столько репрессивные институты государства (полиция, суды), сколько структуры гражданского общества (экологическая группа, антикоррупционное движение, семья, церковь, спортивный клуб, дружеская компания и др.) являются ключевыми агентами социализации и социального контроля. Они,

опираясь на внушение реинтегративного стыда, могут весьма эффективно противостоять насилию и преступности.

Современные подходы к развитию теории стигматизации: критика и значение. С тех пор, как Эдвин Лемерт, Говард Беккер, Эдвин Шур, Фриц Зак, Джон Брейтуэйт обосновали основные модели и механизмы «навешивания ярлыка», современные девиантологи и криминологи в конце XX и начале XXI столетия стали больше внимания уделять различным эффектам и последствиям стигматизации. Так, например, было обращено внимание на значение личности человека, на которого навешивается ярлык. Оказывается, что, по данным американских криминологов Агестона и Эллиотта, под влиянием клеймения самосознание малолетних преступников и выходцев из низших классов меняется быстрее, чем у других правонарушителей. Кроме того, репрессивные санкции сами по себе влияют существенно меньше на самосознание индивида, чем частота и серьезность его девиантных поступков. Говоря другими словами, самосознание девианта больше основывается на реальном поведении, чем на официальной реакции на такое поведение. Для правоохранительных и судебных органов легче усугубить или ослабить уже сложившееся отношение общества к человеку как девианту, чем навесить на него абсолютно новый ярлык.

Даже если метка девианта в какой-то степени повлияет на самосознание индивида, то это не обязательно усилит его вину или усугубит его преступное поведение. Так, по мнению современного американского социолога Э.Махони, нет явных доказательств того, что изменение самосознания приводит к прямолинейному изменению преступного поведения. Более того, любое влияние, которое оказывает ярлык, со временем уменьшается и, в конце концов, может исчезнуть. Следовательно, существуют определенные аргументы в пользу того, что официальное навешивание ярлыка девианта системой уголовного правосудия может и не иметь прямого и решающего воздействия, обычно ожидаемого от стигматизации. По результатам других исследований, последствия клеймения часто бывают едва уловимыми и сложными, а также могут проявляться только через некоторое время.

Еще одним важным результатом исследований в области стигматизации является существенное сокращение у девианта возможностей вести нормальную жизнь и общаться с нормальными – нестигматизированными людьми. Даже если самосознание преступника или наркомана существенно не изменится, у него могут возникнуть трудности во взаимоотношениях с родителями,

друзьями, соседями, сослуживцами. Кроме того, клеймение может вытолкнуть человека в девиантную субкультуру, где он получит необходимые навыки и новые мотивы для дальнейшего совершения преступлений. Общась с носителями такой субкультуры, индивид вовлекается в процесс научения, описанный теорией дифференциальных ассоциаций, и потому может снова стать на путь преступного поведения.

Представляется, что в дальнейшем процесс научения может также повлиять на самосознание преступника в значительно большей степени, чем сам факт навешивания ярлыка органами правопорядка. Так, например, к женщине, занимавшейся проституцией, в любой момент может подойти ее бывший сутенер, продавец наркотиков или просто бандит, знающий ее прошлое, и заставить ее снова заняться тем, чем она занималась прежде, даже если она этого не хочет.

Таким образом, стигматизация скорее выталкивает индивида в девиантную субкультуру и тем самым существенно затрудняет его возвращение к нормальной жизни.

Разумеется, все рассмотренные выше теории стигматизации не свободны от критики. Они чрезмерно выделяют реакцию индивида на вторичное отклонение, при этом уменьшают и недооценивают первичные причины преступления. Отсюда у теорий стигматизации нет недостатка в оппонентах. Многие из них указывают на отсутствие эмпирической поддержки «вторичных отклонений», а также того факта, что преступники имеют заниженную самооценку.

Немецкий криминолог Г.И. Шнайдер обращает внимание на то, что интеракционистов интересует не различие между преступниками и не преступниками, не вопрос о том, почему люди ведут себя не в соответствии с социальными нормами, а прежде всего значение социальной реакции. Они критически относятся к предмету традиционной криминологии и традиционным методам подавления преступности [6, с. 332].

Особенно много критических замечаний сделано относительно ключевого положения теории стигматизации о том, что воздействие системы формального социального контроля носит скорее негативный, чем позитивный характер. Многие криминологи ставят под сомнение тезис интеракционистов о том, что «ни одно действие не является изначально злым или преступным». Так, по мнению Ч. Уэлфорда, изнасилования и убийства являются «универсальными» преступлениями, поскольку подвергаются жестокому наказанию во всех обществах и осуждаются всеми культурами. По мнению Х. Берлоу, теория лейблов боль-

ше сосредоточена на социально менее опасных отклонениях (гэмблинг, проституция, наркотизм, алкоголизм и т.п.) [4, с. 163–166].

Теория «наклеивания ярлыков» нередко подвергается острой критике и сторонниками радикальной криминологии (И. Тейлор, П. Уолтон, Дж. Янг), которые подчеркивают, что она оставляет за пределами своего рассмотрения значительную роль институтов власти и экономики в деле определения того, имеет ли действие преступный характер [4, с. 165]. Без должного внимания исследователей-интеракционистов остаются и жертвы преступников.

К недостаткам этой теории следует отнести и то, что она не указывает конкретно на те факторы, которые заставляют людей меняться, мешают им нормально жить и общаться с другими людьми. Не ясно, как стигматизация влияет на тех, кто ее инициирует. По мнению ряда современных американских исследователей (Р.Энсон, Д.О'Коннор, Ч.Перроу и другие), не находит убедительных эмпирических доказательств и то, что навешивание ярлыка судом приводит к увеличению преступности. Поэтому в большинстве новейших социологических исследований (например, в работах Рут Трипплетт и Роджера Джарлжоура, 1994) теория ярлыков получает эмпирическое подтверждение, но эффекты стигматизации рассматриваются не как прямые, а в основном как косвенные причины девиантного поведения.

Значение теории стигмы. Несмотря на критику, теория стигматизации имеет важное методологическое и прикладное значение. Она оказала существенное влияние на развитие социологических и криминологических исследований девиантности в рамках теорий конфликта, радикальной криминологии, модернизма и постмодернизма. Заслуги социологов-интеракционистов, создателей теории стигмы состоят в том, что они:

- *ярко обрисовали роль социально-психологических, нормативных и социоструктурных факторов в процессах клеймения;*
- *в совершенно ином ракурсе показали значение социальной реакции на первичную девиантность, а также роль различных формальных и неформальных способов социального контроля на формирование девиантной идентичности и делинквентности подростков и молодых людей;*
- *остро поставили проблемы социальной эффективности и селективности в работе органов правопорядка и юстиции;*
- *собрали много ценных эмпирических данных о преступности и иных формах девиантности;*
- *разработали рекомендации по разработке и использованию программ профилактики вторич-*

ной девиантности, что существенно повлияло на снижение интенсивности девиантных карьер подростков и рецидивной преступности.

Теоретический опыт социологов-интеракционистов в области стигматизации, практика его применения весьма ценны для использования в современных российских исследованиях, при со-

вершенствовании уголовного законодательства на пути его декриминализации, в правоприменительной и социальной работе по профилактике уголовно-правового рецидивизма, иных форм девиантности и социального неблагополучия в подростково-молодежной среде [10, с. 20–27].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999.
2. Tannenbaum F. Crime and community. N.Y., 1938.
3. Tannenbaum F. The dramatization of Evil // Perseption in criminology. L., 1975.
4. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014.
5. Becker H. Outsiders: studies in sociology of deviance. N.Y., 1963.
6. Шнайдер Г.И. Криминология / пер. с нем.; под общ. ред. и с предисл. Л.О. Иванова. М.: Издательская группа Прогресс-Универс, 1994.
7. Schur Ed. Our criminal society/ Englewood Cliffs. N.J.: Prentice-Hall, 1969.
8. Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997.
9. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. пер. с англ., под ред. М. Флямера, коммент. Я. Гилинского. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
10. Комлев Ю.Ю. Уголовно-правовой рецидивизм: девиантологическая перспектива профилактики с позиций теории стигматизации в условиях преодоления «кризиса наказания» // Вестник КЮИ МВД России. 2011. № 2.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Уразаева Г.И.

Развитие ролевого поведения личности: монография / Г.И. Уразаева. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – 222 с.

Г.И. Уразаева

РАЗВИТИЕ РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В монографии рассмотрены вопросы психологии генеза ролевого поведения личности в возрастном и профессиональном аспектах, закономерностей и механизмов развития ролевого поведения личности в деятельности, представлены модели онтогенеза ролевого поведения личности в аспекте развития и коррекции. Дана характеристика психологических особенностей ролевого поведения, условий его генеза, динамики и программы психолого-педагогического сопровождения.

Монография предназначена для курсантов, слушателей, адъюнктов вузов МВД России, преподавателей, практических психологов и других специалистов системы высшего образования, сотрудников правоохранительных органов, всех тех, кто интересуется проблемами формирования личности и ролевого поведения как вида социального поведения